

УДК 398.95
ББК 63.5(2)

А.С. ИЛИКАЕВ

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ БОЖЬЕЙ КОРОВКИ У НАРОДОВ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ

Ключевые слова: *божья коровка, русские, удмурты, марийцы, мордва, чувашаи, башкиры, татары.*

Статья посвящена мифологическому образу божьей коровки у славянских, финно-угорских и тюркских этносов Урало-Поволжья.

Цель исследования заключается в раскрытии некоторых истоков данной мифологии у народов региона.

Материалы и методы. В работе использовался в основном сравнительно-исторический метод, а также полевые исследования. Материалы, почерпнутые из научной литературы по данной тематике, полевых исследований автора, были дополнены материалами толковых и этимологических словарей, сопоставлены между собой и проанализированы.

Результаты. В результате исследования автор выявил следующую картину. Основной мифологический образ божьей коровки, по всей видимости, являются анимистическо-тотемистические верования. Так заслуживает внимания одно из чувашских названий насекомого – «птица верха». Возможно, в прошлом божья коровка могла выступать тотемом-прародителем отдельных родов. У русских, удмуртов, марийцев, башкир древний образ конкретизируется через понятие «бог» или имя определенного божества (Марена, Инмар, Кылчин, Инву-мумы, Куазь, Юмо).

Выводы. Стоит согласиться с исследователями вопроса в том, что у русских божья коровка отождествляется, как правило, с понятием небесного бога, у мордвы и удмуртов – с дождем, водой, у чувашей, татар и башкир – с ясной погодой и солнцем. Последнее может быть связано с тем, что в древнетюркской мифологии большую роль играло представление об «изначальности неба и земли». Напротив, имеющиеся у финно-угорских народов космогонические мифы так или иначе включают в себя элемент водной первостихии. Русские и удмуртские материалы, как отмечают исследователи, восходят к мифологеме небесных стад. Некоторые удмуртские и марийские материалы, вероятно, представляют собой русские кальки или же связанные с праиндоевропейским источником мотивы. В то же время, как полагает автор статьи, в марийской мифологии прослеживается связь божьей коровки с мокрой молодой травой, лесом, со стихией воды, низа (земли как противопоставления небу), творением мира из яйца и «небесной свадьбой». Связь божьей коровки с ясной погодой прослеживается преимущественно у горных марийцев. Свообразие образа «марийской» божьей коровки, как видится автору, может объясняться сплавом как тюркских, так и финно-угорских традиций. Также автор считает, что представления удмуртов и марийцев о «коровке Инмара/Кылчина/Куазя/Юмо» могли возникнуть самостоятельно на основе уже существующего представления о быках (коровах) или конях небесного бога. В этой связи следует обратить внимание на иной, возможно центральноазиатский, источник преданий о животном-посланце бога. Имеется в виду легенда о «съеденной книге», распространенная у русских, марийцев, удмуртов, чувашей и татар.

Введение. Актуальность исследования заключается в том, что в научной литературе до сих пор остаются не совсем ясными истоки мифологического образа божьей коровки у народов региона. Кроме того, если взять имеющиеся работы, материал по «марийской» божьей коровке представлен в них недостаточно.

Целью данной статьи является изучение отдельных аспектов мифологического образа божьей коровки, опирающееся преимущественно на этнографическую литературу и полевой материал автора. Это позволяет по-новому взглянуть на некоторые особенности верований русских, удмуртов, марийцев, мордвы, чувашей, башкир и татар.

Материалы и методы. В работе использовались в основном сравнительно-исторический метод и полевые исследования. Материалы, почерпнутые из научной литературы по данной тематике, полевых материалов автора, были дополнены материалами толковых и этимологических словарей, сопоставлены между собой и проанализированы.

Результаты исследования. Как отмечает С.А. Максимов, народные наименования божьей коровки в славянских и балтийских языках указывают на скот, принадлежащий божеству: рус. божья коровка; лит. bogužėlė «божья телка, коровка». Кроме того, у славян наименование жучка коровкой также является образным обозначением невесты [13. С. 84].

А.В. Гура отмечает, что в реконструкциях В.И. Топорова «славяно-балтская» божья коровка может быть связана с сюжетом кражи скота бога-громовержца, наказанием огнем супруги громовержца за адюльтер, наказанием детей громовержца, собственно с громовержцем и «свадьбой Солнца» [8. С. 493–495].

Удмуртские названия божьей коровки зафиксированы в огромном числе вариантов (более ста с лишним наименований с учетом вариантов) [18. С. 205]. Особенный интерес представляют такие названия, как иммәр бабай («дедушка-бог») и иммәр бабайлэн скалэз («корова дедушки-бога»). По мнению Р.Ш. Насибуллина, последнее наименование представляет собой кальку русского названия [18. С. 51].

С.А. Максимов, со ссылкой на записи Л.Н. Долгановой, приводит широко бытовавшие среди удмуртских детей заклички-обращения к разного рода явлениям природы, а также к животным, птицам, насекомым. Больше всего обращений к божьей коровке: «Божья коровка, божья коровка, / Твоя одежда на заборе, / Родители – на елке, / Быть дождю – улети, / Если нет – не лети» [13. С. 85].

Исследователь сопоставляет детские удмуртские заклички с молитвой Куазю под елью. Последняя связывалась с культом умерших предков. С.А. Максимов приводит следующую запись: «Божья коровка, / Куазь польет или нет? / На заборе его одежда, / Вымокнет же вся-вся» [13. С. 87]. В этой связи автор напоминает о том, что жертвы богу Куазю в виде шкур жертвенных животных, полотенец, лент – развешивались на дереве. По мысли С.А. Максимова, образ забора, изгороди в удмуртских закличках мог символизировать границу между мирами. Выходит, согласно предлагаемой исследователем реконструкции, что сама божья коровка являлась неким символом жертвенного животного, а ее «одежда» на заборе, изгороди олицетворяла шкуру животного на ветвях ели [13. С. 88].

Хотя сам статус божества Куазь (Квазь) спорен, заслуживает внимания, что оно в паре Инмар–Куазь занимало такое же положение, как Кылчин. Кроме того, замечательно, что Куазю жертвовали красного быка с большими рогами (богине солнца Шунды-мумы – солового, т.е. красноватой, желтовато-рыжеватой масти, жеребенка) [6. С. 113–114]. У марийцев божеству неба, атмосферы, воздуха Каве жертвовали красную корову, а не быка. По мнению С.К. Кузнецова, последнее заставляло думать, что Кава богиня [22. С. 49]. Все это логично, если принимать во внимание анимистическо-тотемистические истоки мифологемы насекомых. Так, обские угры особенно почитали старика-стрекозу Чохрын Ойку. Причем последний, по существу, был местным тотемом, имевшим святилища в конкретных местах (например, в деревне Вежакоры) [27]. Характерно, что у славян один из популярных образов, связанных с божьей коровкой, также женский. Предполагается, что изначально это могла быть языческая богиня Марена [8. С. 495].

Выше уже отмечалось, что в «удмуртском» названии божьей коровки может фигурировать и прямо верховный небесный бог Инмар (иммар < инмар) [18. С. 137; 19. С. 47]. В этой связи представляет чрезвычайный интерес запись Н. Анисимова о том, что у закамских удмуртов (с. Вязовка, Татышлинский район Башкирии) существовала вера в то, что верховный бог Иммар бабай может спустя определенное время возвращать души умерших людей в мир живых. В зависимости от поступков людей, Иммар бабай вселяет души в птиц, зверей, растения или в человеческий плод [1. С. 113]. Думается, что последняя мифологема указывает на анимистическо-тотемистическую основу образа божьей коровки у удмуртов и не обязательно является калькой русского названия.

По мнению С.А. Максимова, угроза «не улетишь – в кипяток брошу» может выступать неким словесным изображением процесса варки в котле мяса жертвенного животного в котле. А фраза «баню твою сожгу», возможно, олицетворяет обрядовое сожжение костей жертвенного животного, когда жертва вместе с дымом в буквальном смысле подымалась в небеса и добиралась до тех, кому она предназначалась (Инмару, Куазю и другим богам). Таким образом, резюмирует С.А. Максимов, у удмуртов божья коровка в традиционных представлениях прежде всего связана с «вызовом» дождя [13. С. 89–90].

Удмуртский мотив о сожжении божьей коровки объясняется чрезвычайно утилитарно. При этом у славян, по крайней мере в реконструкциях, божья коровка часто связывается с мотивом огня, насылаемым громовержцем на изменившую ему супругу [8. С. 493].

Как отмечает Р.Ш. Насибуллин, подавляющее большинство названий божьей коровки в удмуртском языке связано с представлением о том, что если она по просьбе улетаёт, то это к дождю. Почти повсеместно среди удмуртов встречаются детские песенки с обращением к божьей коровке в форме «улети и принеси дождь». При этом, по мнению исследователя, обозначение божьей коровки как шунды-мумы, т.е. «мать-солнце», скорее ошибочно. Возможно, имела место путаница с песней-закличкой, обращенной к солнцу и дождю: «Матушка солнце, приди, / Дядя облако, уйди» [19. С. 47–50].

Связь божьей коровки с солнцем, гаданием именно на ясную погоду, бытовала и у русских, причем далеко от Урало-Поволжья, в Новгородчине: Божья коровка, / Что завтра будет? / Дождь или ведро? / Если ведро – то лети, / Если дождик – то сиди! При этом там же фиксировалась и закличка с противоположным смыслом, «на дождь»: Божья коровка, / Дождя али ведро? / Сырого погоды? / Дождь – так лети! / Ведро – так сиди! [25. С. 128].

По мнению С.А. Максимова, марийское название насекомого *traj* (träj, tra) является словом, возникшим как звукоподражание порханию крыльев жука, когда он взлетает вверх. С божьей коровкой связана марийская примета: «божья коровка к ясной погоде вверх летит, вниз к дождю спрыгивает», но она повторяет чувашскую: «если божья коровка улетаёт вверх, будет ясная погода; если вниз – к дождю» [13. С. 92]. При этом исследователь утверждает, что у марийцев последних божья коровка является исключительно символом хорошей погоды [13. С. 94].

С целью уточнения выводов С.А. Максимова автором статьи были проведены беседы с уроженцем д. Озерки А.А. Ямурзиным и жителем д. Большесухозово А.А. Изиляевым. Как отметил первый информант, в детстве обязательно в солнечный день божья коровка (трä) садилась на одежду человека, особенно детей. Ее не обижали. Насекомое постепенно находило верхнюю

точку на руке (обычно вытянутый вверх палец). При этом дети говорили: «Йӱр лиеш гын – ӱлкӧ, йӱро лий гын кӱшкӧ» (Если будет дождь – вниз, если не будет дождя – вверх). В том случае, когда божья коровка (или лыве, лепене – бабочка, мотылек) «отгадывала», детской радости было море. Считалось, что данный обычай идет из глубокой древности. При этом информант пояснил, что «по-русски» общение с божьей коровкой было другим. Тогда дети произносили закличку: «Бабочка-коробочка улети на небко, / Там твои детки кушают конфетки. / Всем по одной, а тебе ни одной!» [22]. Хотя озвученное А.А. Ямурзиным марийское обращение к божьей коровке вроде бы повторяет приведенное С.А. Максимовым, в его первой части отсутствует упоминание ясной погоды (ojarlan), но зато слово йӱр «дождь» наличествует в двух позициях. Думается, также неслучайна употребленная информатором метафора «море радости».

Материал, предоставленный вторым информатором, дополняет и подтверждает вышеизложенный. А.А. Изилиев, в частности, отмечает, что «в наших краях божью коровку называли трай-максим. Считалось, что в тех местах, где обитает множество божьих коровок, здоровее растения, лес и трава. Человек, на которого садится трай-максим, считается удачливым. Ничего отрицательного с божьей коровкой марийцы не связывали. Трай-максим являлся предвестником хороших новостей, хорошего урожая. Если божьи коровки пропадали или их становилось мало, то это значило быть беде, голоду и засухе» [22]. Характерно, что хотя во втором случае взывание к дождю, связь с водой прямо не присутствуют, но засуха, т.е. период долгой ясной погоды, не связывается с божьей коровкой. Напротив, подчеркивается влияние насекомого на лес, который, как известно, является главным хранителем почвенной влаги.

В.А. Камиланов, уроженец д. Ирсаево, в своей статье пишет, что по народному марийскому календарю 8 июня считалось днем божьей коровки («трай кече»). В этот день гадали, будет ли дождь. Также он приводит восточномарийское слово дыр-дырай, служащее обозначением божьей коровки [12].

Думается, вышеизложенные материалы нуждаются в некоторых пояснениях. Во-первых, наименование трай для божьей коровки в марийском языке не является единственным. К данному слову можно добавить названия максым тра, йумын тра, дыр-дырай, выри-вырвыр, нӱргӧ, лыр-лыр, лырга (< лыргаш «журчать»). Известно также марийское выражение: «там, где много божьих коровок <в траве>, кто боится тли»? [24. С. 215]. Во-вторых, само слово трай хотя и является звукоподражательным, первоначально выражало звук подзывания коровы или даже саму корову: туй-туй («подзывание коровы», туганай «корова»; мокш. тракс «корова», удм. тирикай «корова», оштрак «бычок») [5. С. 314, 200]. Это слово было заимствовано из марийского соседними тюркскими языками (ср. чув. диалектное тат. максымтарай). Отсюда масымтара – букв. «корова невинного Максима» (араб. мӱгъсум) или «корова-улитка с рожком» [4. С. 314]. Йумын тра означает «корова Юмо» или, по мнению В.И. Вершинина, даже является калькой с русского «божья коровка» [2. С. 533]. Собственно звукоподражательными, обозначающими некое вращение, жужжание, выступают два слова: восточномарийское дыр-дырай и горномарийское выри-вырвыр «божья коровка». В-третьих, имеются записи марийских закличек с «участием» данного погодного насекомого. Так, когда требовалось прекратить затянувшиеся дожди, обращались к божьей коровке: (1) «Божья коровка, / божья коровка! / Если будет дождь – лети книзу, / Если дождя не будет – лети кверху!» (2) «Канаган калт-кат, / Янаган калт-кат, / Длинная борода <пусть> дотянется, дойдет! / Канаган уходи-ходи, / Янаган уходи-ходи, / Красивое солнце, выйди!» [21. С. 71]. Смысл

обращений Канаган, Янаган неясен. Зато интересен образ дотягивающейся до неба или до земли длинной бороды. Возможно, речь идет о бороде божества вроде Юмо (Йумы) или Керемета. В мордовской мифологии отражение солнца в воде считалось бородой небесного владыки Нишке [20. С. 300].

Что касается отождествления божьей коровки именно с ясной погодой, то показательно, что вариант наименования насекомого аяр лыпы («бабочка ясной погоды») [2. С. 17] фиксируется у горных марийцев, имеющих наиболее тесные связи с чувашами. Неслучайно слово аяр (ояр) «ведро; ясный, безоблачный», «солнечный свет» является в марийском языке заимствованием из чувашского [4. С. 391]. Еще одно наименование насекомого типа вич точкан трай «божья коровка пятиточечная» [2. С. 17], судя по русизму «точка», явно имеет отношение к славянским мифологическим представлениям.

Представляет чрезвычайный интерес песня уральских марийцев. К сожалению, автору удалось пока найти только текст на русском языке. «В березнике золотая птичка / Снесла серебряное яйцо... / Ваша запряженная лошадь – божья коровка, / Дуга на лошади – радуга. / На вас одежда – божи цветы, / Сами вы – пчеломатка» (курсив наш. – А.И.) [26]. По мнению автора, неслучайно в песне прослеживается связь между мотивом птицы, снесшей серебряное яйцо, и мотивом разукрашенной дуги на лошади. Первый сюжет связан с космогоническими представлениями финно-угорских народов, в частности с мифом о творении из яйца [10. С. 140–153], известным также чувашам, но без упоминания мировой птицы [3]. Второй сюжет, возможно, имеет отношение к мотиву «небесной свадьбы». Согласно мифу о Юмын Ёдыр, на конях увозит дочь Юмо счастливый земной жених [20. С. 270–271]. В марийских загадках радуга называется «свадебной дугой» [14. С. 64]. В детстве автору статьи самому приходилось наблюдать украшенную разноцветными лентами дугу на лошади, запряженной в свадебный возок (д. Айгильдино, Бирский район, Башкирия, конец 1980-х гг.).

У мордвы имеет место несколько обозначений божьей коровки: пазонь скап, т.е. «корова бога» (калька с русского), пиземень варма «дождя ветер», манипизи («ясный + морозящий»), пиземонь анай («дождя просящий»), липалей («мерцать + река») и тому подобное. С.А. Максимов верно отмечает, что большинство мордовских названий божьей коровки так или иначе указывают на связь с дождем, водой. Исследователь считает, что, как и у удмуртов, у мордвы указанное насекомое может «просить /вызывать» дождь. Русскими или тюркскими заимствованиями являются мордовские названия божьей коровки, включающие слова типа бабка, боярин, бука и т.п. [13. С. 92–93].

Чувашские названия божьей коровки достаточно многообразны. Например, кукамай («бабка») при обычном уяр (уйар) от уяр, ояр «ясная погода, ведро». Диалектное – вир уяр («вверх божья коровка»), хёрлэ кукамай («красная бабушка»), вир-вир, вир кайяк(ё), кайяк («птица верха», ср. мар. юмын кайык «божья/небесная птица»). Кстати, традиционно считается, что марийское кайык «птица; насекомое» заимствовано из чувашского языка. Но В.И. Вершинин полагает, что здесь имело место лишь смешение разных по происхождению слов изобразительного характера (см. коми кай «птичка, пташка», сельк. қайк «речная чайка») [4. С. 160]. Исследователями у чувашей зафиксированы многочисленные заклички, где неизменно присутствует ассоциация божьей коровки с хорошей погодой, полевыми работами: «Божья коровка, божья коровка! / К дождю – плашмя на землю, / К ясной погоде – полети вверх!» [13. С. 93–94].

Особенный интерес представляет фактическое сравнение «чувашской» божьей коровки с птицей. Известно, что у обских угров душа часто отождествлялась

с путешествующей во время сна человека кукушкой, глухаркой [20. С. 417]. Согласно же эсхатологическому мифу хантов и манси, в конце мира люди превратятся в водяных жучков, а потом рассыплются в прах [15. С. 419]. У славян божья коровка напрямую могла отождествляться с кукушкой [8. С. 493–495]. Все это с учетом информации по Чохрын Ойке может говорить о том, что божья коровка когда-то могла выступать духом и тотемом какого-либо племени, рода в Урало-Поволжье. На последнее могут указывать некоторые пережиточные ритуалы. Так согласно данным Т.Г. Владыкиной, у удмуртов имел место целый корпус обрядов, связанный с ритуальным проводом насекомых (для этой цели их помещали в лапоть, а потом пускали последний по воде). При этом очевидна связь насекомых с матриархальными божествами (Инву-мумы, Музьем-мумы) [7. С. 84–85]. Исследовательница предполагает, что антропоморфные персонажи удмуртской мифологии вроде Инву-мумы, Кылчина могли иметь своих архаических предшественников вроде водяных змей, насекомых. Соответствующие обряды одновременно олицетворяли жертву воде и одновременно выражали некий возврат насекомых в родную стихию. В последней жертвенные насекомые претерпевали превращения [7. С. 85–86]. У чувашей дети взывали к божьей коровке, подражая пенью жаворонка: «Тър-тър-тър, тәри-тәр. / К солнцу – наверх, / К дождю – вниз» [13. С. 94]. По мнению В.И. Вершинина, чувашское слово тәри происходит из марийского языка [4. С. 543]. При этом если у чувашей, как отмечает С.А. Максимов, жаворонок является символом верхнего мира, связан с солнцем, то у марийцев, по мнению Т.В. Муравьевой, он олицетворяет собой стихию низа. В одном мифе жаворонок даже пытается взять в жены саму Юмын Ёдыр и прилетает в небесный дом, когда та печет блины. Возмущенная дерзостью жаворонка Юмын Ёдыр ударяет незваного гостя серебряным сковородником, и жаворонок падает на землю. С тех пор он вынужден вить гнезда на земле [16. С. 50–51]. Согласно другому марийскому мифу, более удачливый антропоморфный жених дочери Юмо до встречи с небесной девой проживал в лесной землянке, а дядя Юмын Ёдыр и вовсе оказался впоследствии низвергнут под землю за убийство зятя на пиру [20. С. 271; 23. С. 150]. Возможно к этому сюжету имеет отношение марийская поговорка Йымын ышкал кавән вуйым качкеш, шайтан ышкал пындаш гыц качкаш тӱнгӱлеш («Божья корова начинает кушать с верхушки, корова шайтана – с доньшка») [14. С. 232]. Здесь обозначение «Йымын ышкал», т.е. «корова Йымы», можно понять как противопоставление корове зловредного младшего брата Юмо (Шайтана, Керемета, Йына). Либо под «дном» здесь может пониматься небосвод («юмын вундаш (пындаш)»).

Башкиры называли божью коровку Кояш апай («тетя/сестра солнце»). Таким образом, данное насекомое связывалось с мифопоэтическими образами дневного светила, неба. Также в названии божьей коровки встречалось имя Аллаха – Алла бабай сыйыры («корова дедушки Аллаха/бога») [13. С. 92–91].

У татар божья коровка называется камка (ср. баш. Камка). Оно восходит, по всей вероятности, к обозначению особой шелковой ткани. Также данное насекомое связывается у татар с небом, символизирует богатство, добрый урожай: «Божья коровка, лети-лети! Божья коровка, лети-лети, мама <твоя> суп с клецками готовит, папа <твой> кушает» [13. С. 92–93].

Выводы. На взгляд автора статьи, действительно, явная популярность «солнечной» темы в мифопоэтических представлениях о божьей коровке у чувашей, башкир и татар и, напротив, «водяной», «дождевой», «низовой», «лесной» у мордвы, удмуртов и мари – показательна. Это может быть связано

с тем, что в древнетюркской мифологии большую роль играло представление об «изначальности неба и земли» [17. С. 109–111]. Для уральцев же, по мнению ученых, был характерен мотив о создании земли ныряющей птицей [17. С. 109]. Здесь нелишним будет заметить, что даже имеющиеся другие космогонические мифы у финно-угорских народов, не связанные с мифом о ныряющей птице, так или иначе включают в себя элемент водной первостихии [11. С. 120, 125–126].

Между тем с учетом данных по мифопоэтическому образу божьей коровки у марийцев выражение йумын трай («коровка Йумы») находит свое объяснение, если принять во внимание миф о Юмо, олицетворенном небе, который имел много скота (коней, коров, овец) [9. С. 38]. Сюда же примыкает мотив свадьбы дочери Юмо и земного парня, гибели последнего от рук Керемета. Также в этот комплекс мифологем следует включить чувашские и марийские образы жаворонка. Причем чувашская закличка хорошо объясняется из марийского мифа о Юмын Ёдыр.

Таким образом своеобразие образа «марийской» божьей коровки, как видится автору, может объясняться сплавом как тюркских, так и финно-угорских традиций. В этой связи следует поставить под сомнение утверждение о том, что финно-пермские представления о божьей коровке (удмуртов, мари) обязаны исключительно славяно-балтскому влиянию. Например, представления о «коровке Юмо» у марийцев могли возникнуть самостоятельно на основе уже существующего представления о быках (коровах) небесного бога или богини.

Отчасти данные тезисы может подтвердить распространенный у немцев, славян, финно-угров, тюрков, а также народов Кавказа, Индии, Северной, Центральной и Восточной Азии миф о «съеденной книге». Причем «книгой» называется часть желудка жвачных животных. Однако если у мари сюжет о «съеденной книге» трактуется предельно утилитарно (мол, человек замешкался, а корова книгу съела), то у удмуртов и чувашей дарителем книги является небесный бог [3]. В первом варианте легенды, представленной у удмуртов и чувашей, «книга» напрямую сравнивается со священными писаниями татар и русских, что может говорить о позднем происхождении мотива, призванного объяснить упадок языческой веры. Второй вариант, представленный удмуртским мифом, видится более архаичным и аутентичным. В нем речь идет о том, что некогда удмурты изготовили берестяную книгу, в которой содержатся ответы на все вопросы. Но от этого обленились и стали реже приносить жертвы Инмару. Небесный бог обиделся на людей и наслал на них корову, которая и съевала книгу [3]. Исходя из того, что мотив представлен в основном азиатскими версиями, причем они являются и наиболее полными, следует предположить, что сама мифологема «быка (коровы)» как посланца небесного бога имеет центральноазиатское происхождение. Характерно, что предание о «съеденной книге» полностью отсутствует у балтов, прибалтийско-финских народов и мордвы [3]. Поэтому нельзя исключать, что образы «удмуртской» и «марийской» божьей коровки как животных небесного бога, в отличие от мордовских материалов, не являются русскими кальками.

Литература

1. Анисимов Н. «Диалог миров» в матрице коммуникативного поведения удмуртов: дис. ... д-ра филос. по фольклористике. Тарту, 2017. 386 с.
2. Балдаев Х.Ф. Русско-марийский словарь биологических терминов. Йошкар-Ола: Издательский дом «Марийское книжное издательство», 2020. 239 с.

3. Березкин Ю.Е., Дувакин Е.Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам [Электронный ресурс]. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (дата обращения: 17.04.2023).
4. Вершинин В.И. Марий мут-влакын кушеч лиймышт: этимологий мутер. Происхождение слов марийского языка: этимологический словарь: в 2 т. Йошкар-Ола: ООО ИПФ «Стиринг», 2017–2018. 741 с.
5. Вершинин В.И. Этимологии удмуртских слов. Этимологии удмуртских слов: (научное издание): [словарь]. Йошкар-Ола: [Б.и.], 2015. 254 с.
6. Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 2018. 400 с.
7. Владыкина Т.Г. Удмуртский фольклорный миротекст: образ, символ, ритуал / УИИЯЛ Удм-ФИЦ УрО РАН. Ижевск: МонПоражён, 2018. 298 с.
8. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
9. Знаменский П. Горные черемисы Казанского края: Из наблюдений очевидца // Вестник Европы. 1867. Т. IV, дек. С. 38–39.
10. Иликаев А.С. Мотивы творения мира из яйца в космологических мифах прибалтийско-финских народов, марийцев и удмуртов: сравнительно-сопоставительный анализ // Исторический журнал: научные исследования. 2023. № 2. С. 140–153.
11. Иликаев А.С. Финно-угорские и марийские мифы о сотворении мира: сравнительный анализ // Марийская традиционная религия: история и современность: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. Году культурного наследия народов России. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2022. С. 113–133. DOI: 10.51254/978-5-94950-120-7_2022_05.
12. Камиллянов В. Марийский календарь на каждый день. 8 июня – День божьей коровки (Трай кече) // Дружба. 8 июня 2023 г. URL <https://promishkino.ru/news/obshchestvo/2023-06-08/mariyskiy-kalendar-na-kazhdyy-den-8-iyunya-den-bozhiey-korovki-tray-keche-3290761> (дата обращения: 17.08.23).
13. Максимов С.А. Мифологические аспекты названий божьей коровки в удмуртском языке // Урало-алтайские исследования. 2016. № 4(23). С. 84–100.
14. Марий калык ойгого: Марий калык тушто-влак – Свод марийского фольклора: Марийские народные загадки / сост. А.Е. Китиков. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2006. 432 с.
15. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. Т. 1. А–К / под ред. С.А. Токарева. М.: Большая российская энциклопедия, 2003. 671 с.
16. Муравьева Т. Мифы Поволжья. От Волчьего владыки и Мирового древа до культа змей и птицы счастья. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2023. 328 с.
17. Напольских В.В. Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (прауральский космогонический миф). М.: Ин-т этнологии и антропологии АН СССР, 1991. 190 с.
18. Насибуллин Р.Ш., Максимов С.А., Семёнов В.Г., Отставнова Г.В. Диалектологический атлас удмуртского языка. Карты и комментарий. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2009. Вып. 1. 260 с.
19. Насибуллин Р.Ш. «Божья коровка» в удмуртских говорах: диалектологическая карта и комментарий // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2007. № 2(2). С. 45–53.
20. Петрухин В.Я. Мифы финно-угров. М.: Изд-во АСТ: Транзиткнига, 2003. 463 с.
21. Петухова А.Н. Детский фольклор народа мари. Йошкар-Ола: МАРНИИЯЛИ, 2004. 287 с.
22. Полевые материалы автора. 2023 г. Башкирия. Мишкинский р-н, д. Озерки, А.А. Ямурзин (1952 г.р.); 2023 г. Башкирия. Мишкинский р-н, д. Большесухоязово, А.А. Изилиев (1983 г.р.).
23. Ситников К.И. Словарь марийской мифологии. Т. 1. Боги, духи, герои. Йошкар-Ола, 2006. 160 с.
24. Словарь марийского языка: в 10 т. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2002. Т. 7. 432 с.
25. Традиционный фольклор Новгородской области. Пословицы и поговорки. Загадки. Приемы и поверья. Детский фольклор. Эсхатология. По записям 1963–2002 г. / сост. М.Н. Власова, В.И. Жигулина. СПб.: Тропа Троянова. 2006. 479 с.
26. Уральские марийские. Марийские песни: «Все из жизни взятое». URL <http://ural-mary.smerty.net/songs/> (дата обращения: 25.05.23).
27. Чохрын Ойка. Культурное наследие Югры [Электронный ресурс]. URL <http://hmao.kaisa.ru/object/1809290230?lc=ru> (дата обращения: 11.04.2023).

Alexander S. ILIKAEV

THE MYTHOLOGICAL IMAGE OF THE LADYBUG
AMONG THE PEOPLES OF THE URAL-VOLGA REGION

Key words: ladybug, the Russians, the Udmurts, the Mari, the Mordvins, the Chuvash, the Bashkirs, the Tatars.

The article is devoted to the mythological image of a ladybug among the Slavic, Finno-Ugric and Turkic ethnic groups of the Ural-Volga region.

The purpose of the study is to reveal some of the origins of this mythologeme among the peoples of the region.

Materials and methods. The work mainly used the comparative historical method, as well as field studies. The materials drawn from the scientific literature on this subject, the author's field studies, were supplemented with the materials of explanatory and etymological dictionaries, compared and analyzed.

Results. As a result of the research, the author revealed the following picture. The basis of the ladybug's mythological image is likely to be made by animistic-totemic beliefs. So one of the Chuvash names of the insect deserves attention – "bird of the top". Perhaps in the past, the ladybug could act as a totem-the progenitor of individual family lines. Among Russians, Udmurts, Mari, Bashkirs, the ancient image is concretized through the concept of "god" or the name of a certain deity (Marena, Inmar, Kilchin, Invu-mums, Kuaz, Humo).

Conclusions. It is worth agreeing with the researchers of the topic that among the Russians the ladybug is equated, as a rule, with the concept of a heavenly god, among the Mordvins and the Udmurts – with rain, water, among the Chuvash, the Tatars and the Bashkirs – with rainless weather and the sun. The latter may be due to the fact that in ancient Turkic mythology, the idea of the "primordial nature of heaven and earth" played an important role. On the contrary, the cosmogonic myths of the Finno-Ugric peoples anyhow include an element of the water primordiate. The Russian and Udmurt materials, as the researchers note, go back to the mythologeme of heavenly flocks. Some Udmurt and Mari materials are probably calques from the Russian language or motifs associated with a Proto-Indo-European source. At the same time, as the author of the article believes, in Mari mythology, the connection of the ladybug with wet young grass, forest, with water primordial, bottom (the earth, as opposed to the heaven), the creation of the world from an egg and a "heavenly wedding" is traced. The association of the ladybug with rainless weather can be traced mainly among the mountain Mari. The originality of the image of the "Mari" ladybug, as the author sees it, can be explained by the fusion of both Turkic and Finno-Ugric traditions. The author also believes that the ideas of the Udmurts and the Mari people about the "Inmar/Kylchina/Kuazy/Yumo cow" could have arisen independently on the basis of an already existing idea of bulls (cows) or horses of the heavenly god. In this regard, it is necessary to pay attention to another, perhaps Central Asian, source of legends about the animal-the messenger of God. This refers to the legend of the "eaten book", common among the Russians, the Mari, the Udmurts, the Chuvash and the Tatars.

References

1. Anisimov N. «Dialog mirov» v matritse kommunikativnogo povedeniya udmurtov: dis. ... d-ra filos. nauk [«Dialogue of the worlds» in the matrix of communicative behavior of Udmurts. Doct. Diss.]. Tartu, 2017, 386 p.
2. Baldaev Kh.F. Russko-mariiskii slovar' biologicheskikh terminov [Russian-Mari dictionary of biological terms]. Yoshkar-Ola, 2020, 239 p.
3. Berezkin Yu.E., Duvakin E.N. *Tematicheskaya klassifikatsiya i raspredelenie fol'klornomifologicheskikh motivov po arealam* [World mythology and folklore: thematic classification and areal distribution of folklore and mythological motifs]. Available at: <https://ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (Accessed Date: 2023, Jan. 14).
4. Vershinin V.I. *Marii mut-vlakyn kushch liimysht: etimologii muter. Proiskhozhdenie slov mariiskogo iazyka: etimologicheskii slovar': v 2 t.* [The origin of the Mari words (etymological dictionary). 2 vols.]. Yoshkar-Ola, 2018, 741 p.
5. Vershinin V.I. *Etimologii udmurtskikh slov* [Etymology of Udmurt words. Etymology of Udmurt words]. Yoshkar-Ola, 2015, 254 p.
6. Vladykin V.E. *Religiozno-mifologicheskaya kartina mira udmurtov* [Vladykin V.E. Religious and mythological world picture of the Udmurts]. Izhevsk, 2018, 400 p.
7. Vladykina T.G. *Udmurtskii fol'klorny mirotekst: obraz, simvol, ritual* [Udmurt folklore world text: image, symbol, ritual]. Izhevsk, 2018, 298 p.
8. Gura A.V. *Simvolika zhivotnykh v slavianskoi narodnoi traditsii* [Animal symbolism in the Slavic folk tradition]. Moscow, Indrik Publ., 1997, 912 p.

9. Znamenskii P.V. *Gornye cheremisy Kazanskogo kraia: Iz nabliudenii ochevidtса* [Mountain Cheremis from the Kazan region: From the observations of an eyewitness]. *Vestnik Evropy*, 1867, vol. 4, Dec., pp. 30–71.
10. Ilikaev A.S. *The motives of the creation of the world from an egg in the cosmological myths of the Baltic-Finnish peoples, Mari and Udmurts: comparative analysis* [Myths about the world creation from an egg of Baltic-Finnish peoples in comparison with cosmogonic myths of mari and Udmurts]. *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniia*, 2023, no 2, pp. 140–153. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.2.40547.
11. Ilikaev A.S. *Finno-ugorskie i mariiskie mify o sotvorenii mira: sravnitel'nyi analiz* [Finno-ugric and mari myths about the Creation of the world: a comparative analysis]. In: *Mariiskaya traditsionnaya religiya: istoriya i sovremennost': materialy Vseros. nauch.-prakt. konf., posviashchennoi Godu kul'turnogo nasledii narodov Rossii* [Proc. of Russ. Sci. Conf. «Mari Traditional Religion: History and Modernity»]. Yoshkar-Ola, 2022, pp. 113–133. DOI: 10.51254/978-5-94950-120-7_2022_05.
12. Kamilyanov V. *Mariiskii kalendar' na kazhdyi den'. 8 iyunya – Den' bozh'ei korovki (Trai keche)* [Mari calendar for every day. June 8 is Ladybug Day. Trai keche]. Available at: <https://promishkino.ru/news/obshchestvo/2023-06-08/mariyskiy-kalendar-na-kazhdyy-den-8-iyunya-den-bozhiey-korovki-tray-keche-3290761> (Accessed Date: 2023, July. 17).
13. Maksimov S.A. *Mifologicheskie aspekty nazvanii bozh'ei korovki v udmurtskom iazyke* [Mythological aspects of names of the ladybird in Udmurt]. *Ural-Altai Studies*, 2016, no. 4(23), pp. 84–100.
14. Kitikov A.E., ed. *Svod mariiskogo fol'klora: Mariiskie narodnye zagadki* [The Code of Mari folklore: Mari folk riddles]. Yoshkar-Ola, 2006, 432 p.
15. Tokarev S.A., ed. *Mify narodov mira. Entsiklopediia* [Myths of the peoples of the world: Encyclopedia]. Moscow, Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia Publ., 2003, vol. 1, 671 p.
16. Murav'eva T. *Mify Povolzh'ia. Ot Volch'ego vlyadyki i Mirovogo dreva do kul'ta zmei i ptitsy schast'ia* [Myths of the Volga region. From the Wolf Lord and the World Tree to the cult of snakes and the bird of happiness]. Moscow, 2023, 328 p.
17. Napol'skikh V.V. *Drevneishie etapy proiskhozhdeniia narodov ural'skoi iazykovoi sem'i: dannye mifologicheskoi rekonstruktsii (praural'skii kosmogonicheskii mif)* [Ancient stages of the origin of peoples of the Uralic language family's peoples: data of mythological reconstruction (the Proto-Uralic cosmogonic myth)]. Moscow, Institute of Anthropology and Ethnography Academy of Sciences of the Soviet Union, 1991, 190 p.
18. Nasibullin R.Sh., Maksimov S.A., Semenov V.G., Otstavnova G.V. *Dialektologicheskii atlas udmurtskogo iazyka. Karty i kommentarii* [Dialectological atlas of the Udmurt language. Maps and commentary]. Izhevsk, 2009, Iss. I, 260 p.
19. Nasibullin R.Sh. «Bozh'ia korovka» v udmurtskikh govorakh: dialektologicheskaya karta i kommentarii [“Ladybug” in Udmurt dialects: dialectological map and commentary]. *Idnakar: metody istoriko-kul'turnoi rekonstruktsii*, 2007, no. 2(2), pp. 45–53.
20. Petrukhin V.Ya. *Mify finno-ugrov* [Myths of the Finno-Ugric peoples]. Moscow, 2003, 463 p.
21. Petukhova A.N. *Detskii fol'klor naroda mari* [Children's folklore of the Mari people]. Yoshkar-Ola, 2004, 287 p.
22. Field materials of the author. 2023. Respublika Bashkiriya. Birskii district. Informants: Izilyaev A.A., born in 1983, Bolshesukhoyazovo village; Yamurzin A.A., born in 1952, Ozerki village.
23. Sitnikov K.I. *Slovar' mariiskoi mifologii. Bogi, dukhi, geroi* [Encyclopedia of Mari mythology. Gods, spirits, heroes]. Yoshkar-Ola, 2006, vol. 1, 160 p.
24. *Slovar' mariiskogo iazyka v 10 t.* [Dictionary of the Mari language. 10 vols.]. Yoshkar-Ola, 2002, vol. 7, 432 p.
25. Vlasov M.N., Zhigulin V.I., eds. *Traditsionnyi fol'klor Novgorodskoi oblasti. Poslovitsy i pogovorki. Zagadki. Primety i pover'ia. Detskii fol'klor. Eskhatologiya. Po zapisiam 1963–2002 gg.* [Traditional folklore of the Novgorod region. Proverbs and sayings. Riddles. Signs and beliefs. Children's folklore. Eschatology. According to the records of 1963–2002]. St. Petersburg, 2006, 479 p.
26. *Ural'skie mariitsy. Mariiskie pesni: «Vse iz zhizni vziatoe»* [Ural Mari people. Mari songs]. Available at: <http://uralmary.smerty.net/songs/> (Accessed Date: 2023, May. 25).
27. *Chokhryn Oika. Kul'turnoe nasledie lugry* [Chokhryn Oika. Cultural heritage of Ugra]. Available at: <http://hmao.kaisa.ru/object/1809290230?lc=ru> (Accessed Date: 2023, Apr. 11).

ALEXANDER S. ILIKAEV – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Ufa University of Science and Technology, Russia, Ufa (jumo@bk.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-6773-9053>).
